

Мужичья чума (Г. С. Сыроежкин)

Биографий известного чекиста-боевика Григория Сергеевича Сыроежкина известно несколько, но все они официальные и представляют совершенно отлакированный образ преданного и талантливое оперработника, совершившего немало выдающихся подвигов во славу советской разведки [304]. Однако действительная чекистская жизнь Сыроежкина носит отчётливо криминальный характер и совершенно не укладывается в классическую для ведомственных житий схему.

Его путь в органы госбезопасности типичен для не нашедших себя в мирной жизни маргиналов. Бросив гимназию после первых четырёх лет обучения, Сыроежкин выступал в цирке, юношей убежал на Кавказский фронт, а потом добровольно записался в Красную Армию. Григорий Сыроежкин пришёл в ЧК с тяжёлым грузом только что оставленной работы комендантом в трибунале, что свидетельствовало о его привычке расстреливать с девятнадцатилетнего возраста.

Взглянем, как деликатно обходит эту коллизию ветеран ФСБ И. М. Дамаскин — автор новейшего материала о Сыроежкине, помещённого во втором томе известных «Очерков истории российской внешней разведки». Говоря о работе Сыроежкина в трибунале, он утверждает, что Григорий трудился там писарем и «получил основы юридических знаний» [305]. Однако писарем тот работал только в начале своей службы, быстро получив назначение на должность исполнителя смертных приговоров.

Проверенный в расстрелах парень стал находкой для ВЧК, весьма мало нуждавшейся в носителях юридических знаний. Зарекомендовав себя на комендантской службе, Григорий был переведён на оперативную работу, которая и стала настоящим призванием молодого чекиста. Человек находчивый, очень сильный физически, смелый и хладнокровный, Сыроежкин проявлял хорошие способности к агентурной деятельности, но мог в качестве охранника при случае и одним ударом по голове убить попытавшегося бежать арестанта [306].

Вот основные вехи его чекистской биографии. Начинал с коменданта-исполнителя приговоров в губревтрибунале и Новочеркасской ЧК. Во время подавления мятежа А. С. Антонова в Тамбовской губернии и разгрома отряда Попова в Балашовском уезде Саратовской губернии Сыроежкин командовал чекистским карательным отрядом. Какими способами чекисты подавляли крестьянские мятежи, к настоящему времени известно хорошо.

Отлично зарекомендовавший себя молодой каратель попал в центральный аппарат, получив должность в Особом отделе ВЧК, который возглавляли В. Р. Менжинский и его зам Г. Г. Ягода. В отделе трудились такие известные чекисты, как А. Х. Артузов, Р. А. Пилляр, И. И. Сосновский, В. А. Стырне, В. В. Ульрих. С августа 1921 г. Григорий немного работал следователем 13-го

спецотделения Особого отдела ВЧК, которое противодействовало военному шпионажу разведок Польши, Румынии, Финляндии и стран Прибалтики, а, согласно официальным данным, уже в сентябре того же года был назначен уполномоченным Отдела контрразведки ВЧК-ОГПУ [307].

Однако 30 сентября 1921 г. он фигурирует в качестве сотрудника 16-го спецотделения Особого отдела, занимавшегося контрразведкой в РККА, и допрашивает в тот день авантюриста А. Г. Зайцева-Мейтина, отправленного в Москву из Читы, где местные чекисты попытались сфабриковать на этого бывшего коллегу выигрышное дело, обвинив в шпионаже и взятии на себя поручения убить Ленина и Троцкого. Разобраться в этом деле, где Сыроежкин стал уже не первым следователем, было не так сложно, ведь провокация была в глаза. Но с точки зрения следователей той поры, именно провокация выступала царницей доказательств...

Недавний гимназист Аркадий Зайцев-Мейтин в начале 1920 г. короткое время был адъютантом знаменитого партизана Сергея Лазо во Владивостоке, затем работал в Хабаровской военной контрразведке и был, по всей видимости, причастен к дикой расправе красных партизан Иванова над 123 (по другим данным, 130) сдавшимися офицерами и солдатами эскадрона Конно-егерского полка каппелевского полковника В. В. Вращтеля, только что проделавших героический «ледяной поход» из Сибири на Дальний Восток.

Вращтель оборонял Никольск-Уссурийский, но при штурме города красными половина его полка разбежалась, а добровольцы с офицерским составом стали отступать к китайской границе, но были пленены. В апреле 1920 г. арестованных каппелевцев партизаны забрали из тюрем Никольск-Уссурийского и Имана; Вращтеля и ещё троих старших офицеров замучили на ст. Верино, а остальных в вагоне привезли к мосту через р. Хор. Там, заводя по одиночке на мост, белых зверски убили, разбивая головы молотками и прикладами и сбрасывая тела в воду. Основная часть жертв — 96 чел. — были офицерами. Как хвастал в рассказах Зайцев, он участвовал в этой «ликвидации» и утверждал, что одному из офицеров (Петрову, которого он именовал полковником) в темноте удалось бежать [308].

Именно поэтому белые из отряда есаула Забайкальского казачьего войска В. Бочкарёва, которым японцы передали арестованного при захвате Владивостока 5 апреля 1920 г. Сергея Лазо, узнав о страшной смерти своих товарищей, подвергли члена Дальбюро ЦК Лазо мучительным истязаниям. В конце мая казаки бросили его в паровозную топку [309]. Поскольку Лазо сопротивлялся отчаянно, двух его товарищей — видного русского разведчика А. А. Луцкого, перешедшего к большевикам, и В. М. Сибирцева — утомлённые палачи застрелили и швырнули в огонь уже мёртвыми.

Любопытные сведения о Зайцеве-Мейтине дал бывший секретарь Никольск-Уссурийского горкома РКП (б) в полосе отчуждения КВЖД Боровой, охарактеризовавший его как пройдоху и авантюриста, «более или менее

крупного, который способен обманывать, но не делать». Тот работал в контрразведке под фамилией Славин, выдавая себя за брата бывшего товарища председателя Харбинского совета, «очень известного революционера Славина». Когда 5 апреля 1920 г. японцы внезапным ударом захватили власть в Приморье, Боровой с отрядом Сурьбы отступил из Никольск-Уссурийского в район Красной речки. Там он «несколько слышал о работе Мейтина: говорили, что ведя [себя] возмутительно по отношению к арестованным, которые не могли заплатить, он позволял снимать с них драгоценности, кольца, имел всегда большой запас оружия, одеваясь всегда в новый кожаный костюм». Показания члена Дальбюро К. Ф. Пшеницына, данные М. И. Литвину, были не более комплиментарны: он слышал, что Аркадий «за учинённый открыто грабёж был особым отделом расстрелян».

Перейдя в Военпур, Зайцев-Мейтин весной 1921 г. стал жертвой провокации своего приятеля Натана Шнеерсона, корреспондента ДальГА и коммуниста, которому передал во время командировки имевшиеся при нём секретные пакеты — без расписки. Те попали к властям распечатанными, после чего Аркадия арестовали как японского шпиона. Поскольку 20-летний Шнеерсон был сексотом Госполитохраны ДВР, то вполне очевидно, что он и распечатал эти пакеты. Видимо, карьера в ГПО была важнее знакомства, а чекисты несколько недель спустя взяли расторопного агента в штат и он сделал в «органах» отличную карьеру, дойдя до майора госбезопасности. Правда, в 1939-м сам Н. М. Шнеерсон был обвинён в шпионаже и пошёл под пулю.

А Зайцеву-Мейтину на основании того, что он был очень похож на фотокарточку человека, собиравшегося (как доносил какой-то резидент) ехать с Дальнего Востока в Москву убивать главных вождей, предъявили обвинение и в терроризме. Вёл дело Зайцева-Мейтина начальник агентурного отделения Военного отдела Главного управления Госполитохраны ДВР Михаил Литвин (впоследствии ответственный партийный работник, вернувшийся в НКВД при Ежове и пустивший себе пулю в голову 12 ноября 1938 г., будучи начальником Ленинградского УНКВД).

Ничего не добившись от Аркадия в Чите, его передали в распоряжение ВЧК. Бывший чекист очень разочаровался в длительном следствии, объявлял голодовки и писал из Бутырки гневные заявления в «Президиум Всероссийского Застенка по борьбе со свободой». Следователи менялись, не имея улик, и высказывали желание отправить невнятного арестанта обратно в Читку или Новониколаевск — город, где базировалось полпредство ВЧК-ГПУ по Сибири. В 1922 г. Зайцев-Мейтин был дважды приговорён к расстрелу и в конце концов бесславно сгинул в новониколаевской тюрьме, не дождавшись пули — от возвратного тифа [310].

Помощь в расследовании сложных дел чекистам оказывали внутрикамерные агенты. Существует любопытный документ, очень наглядно свидетельствующий о развитой постановке дела с камерным осведомлением уже в начале 20-х годов. Некий коммунист-«наседка» Саваш 25 января 1922 г.

очень подробно доносил своим хозяевам на целую группу родовитых заключённых внутренней тюрьмы ВЧК на Лубянке, давая чекистам прямые инструкции:

«I. До моего выхода не выпускать и не допрашивать заключенного гр. Мечислава Сигизмундовича Гласко, сидящего во внутренней тюрьме ВЧК.

II. До моего прихода не звать на допрос Константина Васильевича Гримм. Имею чудные материалы, которые докажут, что делает Германская миссия в Петрограде.

III. Дело Ниль Оскаровича Баклунда, связанное с кронштадтским восстанием.

IV. Владимира Комаровского — графа, уже на свободе.

V. Дмитрия Петровича Елагина.

VI. Князя Бориса Волконского [...]

Елагин. Это сволочь, которую я раскусил, он мне обещал снять сегодня голодовку, т. к. я ему обещал, что как только выйду на свободу и его тоже освобожу. Я как чекист заявляю, что у него есть связи с английскими властями в Константинополе. [...] Он очень хитрый сволочь. Он мне сам признался, что его прислала английская миссия из Константинополя под крышкой [так! — А. Т.] торговых договоров, его начальник [—] английский полковник Нагель... [Елагин] сказал, что если я его возьму на свободу, то он мне даст 10.000 фунтов стерлингов. [...]

Волконского я уговорил, чтобы он снял голодовку. Он мне вчера письмо передал для своих родственников, он арестован, по его словам, за участие при заговоре Таганцева». Далее Саваш указывал: ради того, чтобы уверить Гримма и Баклунда в своих связях с волей и англичанами, не следует арестовывать сразу надзирателя, который принесёт письмо, дабы потом, «сделав две птицы за один выстрел», арестовать «почтальона» и вынудить «эту тюремную сволочь, этих постовых и отделенных, не носить писем от арестованных» [311] .

Без сомнения, Григорий Сыроежкин, опираясь на подобных помощников, «оформил» какое-то количество дел. Но, отдав положенное политическому сыску, Сыроежкин был переведён к КРО и использован в крупных и успешных акциях Лубянки по заграничной линии. Активный участник борьбы с эмиссарами Бориса Савинкова, Сыроежкин дважды выезжал в Польшу со спецзаданием под фамилией Серебряков, выдавая себя за представителя антисоветского подполья. В 1924 г. он получил орден Красного Знамени и знак «Почётного работника ВЧК-ГПУ». Самой яркой страницей официальной биографии Сыроежкина стало участие в выводе в СССР и последующем аресте знаменитого британского разведчика Сиднея Рейли. Орденосец не прятался и

от неприятных поручений, напоминавших о прежней специализации — так, поздней осенью 1925 г. он принимал личное участие в расстреле Рейли.

Этот приговор о казни англичанина был проведён своеобразно — жертву не стали тащить в расстрельный подвал, а убили тишком. По вызывающей огромные сомнения версии Т. К. Гладкова, это сделали, чтобы не травмировать психику Рейли, с которым у контрразведчиков сложились определённые неформальные отношения. Но о какой-то боязни чекистов за психику арестанта можно говорить, зная, что во время следствия по приказу помощника начальника КРО ОГПУ В. А. Стырне Рейли вывели на расстрел, и он под циничные насмешки охранников («грязный разговор часовых и шутки...») несколько минут ждал пули, после чего был уведён в камеру?!

[312] Предсмертный дневник Рейли сохранил этот эпизод, очень типичный для чекистской кухни.

Разведчика-авантюриста чекисты тайно застрелили под Москвой, для чего инсценировали автомобильную прогулку в компании начальника тюремного отдела ОГПУ К. Дукиса (одного из основных исполнителей приговоров), оперативников КРО Г. Федулеева и Г. Сыроежкина, а также Ибрагима Абисалова. В цитируемом ниже рапорте Федулеева помощнику начальника КРО Сидней Рейли именовался как «№ 73». Под предлогом поломки машины Рейли предложили прогуляться. Ближе к девяти вечера 5 ноября, уже в темноте, «Ибрагим, отстав немного от нас, произвёл выстрел в № 73, каковой, глубоко вздохнув, повалился, не издав крика; ввиду того, что пульс еще бился, т. Сыроежкин произвёл еще выстрел в грудь». Четыре дня спустя Рейли тайком закопали в прогулочном дворе внутренней тюрьмы ОГПУ [313].

Есть информация о том, что Сыроежкин в буквальном смысле слова не удержал Б. В. Савинкова. Имеется официальная документация ОГПУ, свидетельствующая о том, что Савинков покончил самоубийством, выбросившись из окна. Нередко высказывалось мнение, что он был выброшен вниз самими чекистами. О том, как погиб Борис Савинков, незадолго до смерти поведал очевидец событий — 103-летний Б. И. Гудзь.

«Неожиданно, — рассказал он, — Савинков рванулся к окну и перемахнул через низкий подоконник. Мой товарищ Гриша Сыроежкин едва успел схватить его за ногу. Всё произошло в считанные секунды. Гриша пытался держать его, но была реальная угроза, что и он выпадет. Все стали кричать: отпусти его, отпусти! Савинков падал с 5-го этажа с пронзительным криком» [314]. Здесь напрашивается вопрос: что же это никто не подбежал и не помог Сыроежкину, ограничившись криками? Правда, престарелый чекист, несколько раз рассказывая о данном эпизоде, уснащал его разными деталями, и невозможно выяснить, что же он действительно запомнил об этой истории.

Версию о насильственной смерти легендарного эсера подкрепляет недавно опубликованная реплика самого Сталина. Хотя все до сих пор известные обнародованные данные говорят именно о самоубийстве (показателен факт, что

при отдаче в печать предсмертного письма Савинкова чекисты сделали в нём изъятия — это, конечно, свидетельствует в пользу его подлинности [315]), но игнорировать прямое заявление вождя народов всё же не следует.

В своих объяснениях Л. П. Берии от 27 марта 1953 г. С. Д. Игнатъев, экс-министр госбезопасности, цитировал слова Сталина, который с конца октября 1952 г. стал настойчиво требовать истязать «врачей-вредителей», отказывавшихся признаваться: «Бейте!» — требовал он от нас, заявляя при этом, — «вы что, хотите быть более гуманными, чем был Ленин, приказавший Дзержинскому выбросить в окно Савинкова? У Дзержинского были для этой цели специальные люди-латыши, которые выполняли такие поручения. Дзержинский — не чета вам, но он не избегал черновой работы, а вы, как официанты, в белых перчатках работаете. Если хотите быть чекистами, снимите перчатки» [316] . Игнатъев докладывал о вещах недавних и вряд ли путал или придумывал. Информация любопытнейшая.

Само собой, что Ленин к смерти Бориса Савинкова, погибшего в 1925 г., не мог иметь отношения по определению. Очень похоже, что здесь товарищ Сталин свой собственный приказ Дзержинскому покончить с самым известным из тогдашних арестантов весьма нахально свалил на безответного Ильича... Раскаявшийся Савинков был уже не нужен, а его «самоубийство» дополнительно компрометировало этого бывшего боевика и политического лидера. В связи с этим Сыроежкин мог быть в числе тех, кто, возможно, выбросил Савинкова с пятого этажа...

На исходе 1925 г. Григорий был прикомандирован к полпредству ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и в составе оперативно-разведывательного отряда видного чекиста В. М. Курского участвовал в массовом разоружении населения и разгроме повстанческого движения в Чечне. За успехи в этой опасной операции его повысили и перевели работать в престижный Ленинград. В 1927-м он был начальником 5-го отделения Контрразведывательного отдела полпредства ОГПУ по ЛенВО, но чересчур поддался традиционной русской болезни.

Знавшие Григория чекисты вспоминали, что Сыроежкин был бесребреником, свою зарплату нередко раздавал нуждающимся. Однако общительный холостяк Григорий с молодых лет не был врагом бутылки, что очень плохо отразилось на его карьере. Вероятно, во хмелю бывший комендант-расстрельщик не отличался примерным поведением, так что ленинградское начальство решило его убрать и как следует «проветрить» в провинции [317] . Европейские спецкомандировки закончились. Напротив, Сыроежкину пришлось запастись зимней одеждой и ехать строго на восток, причём с большим понижением в должности. Вряд ли он подозревал, что сибирская командировка станет для него очень и очень длительной, а специализацией окажется организация подавления многочисленных антисоветских восстаний — дело, которое было ему хорошо знакомо по началу 1920-х гг.

Якутский мятеж

Сыроежкин в течение пяти лет работал в Сибири и на Дальнем Востоке, постепенно продвигаясь оттуда в западном направлении. Первой его остановкой стала Якутия, где обстановка была нестабильной в течение всех 20-х годов. Ситуация в этой автономии не раз становилась предметом рассмотрения высшего руководства страны.

После разгрома белогвардейского десанта генерала А. Н. Пепеляева в 1923 г. и подавления тунгусского мятежа 1924–1925 гг. якутские власти столкнулись с так называемой «ксенофонтовщиной» — движением автономистов из числа национальной интеллигенции во главе с юристом и бывшим сотрудником наркомфина Якутской АССР Павлом Васильевичем Ксенофонтовым, требовавших повышения статуса Якутии до союзной республики. Ксенофонтов наверняка учитывал, что секретарь Якутского обкома ВКП(б) М. К. Аммосов в начале 1920-х гг. активно ходатайствовал перед Омском и Москвой относительно повышения статуса Якутской области и в результате добился автономии.

Конечно, переход к союзным отношениям ничего бы не дал Якутии — кроме увеличения числа мест в партийно-советском аппарате для титульной нации. Местная номенклатура получила бы дополнительные прерогативы — и власть, и собственность, пусть во многом эфемерные. Однако сторонников у Ксенофонтова нашлось много. Озабоченные ситуацией в Якутии, они открыто обсуждали вопрос о статусе автономии, надеясь, что его повышение изменит жизнь к лучшему. Сам же Ксенофонтов уверял, что республиканская верхушка его поддерживает.

Современные исследователи прямо утверждают, что руководство автономии мало интересовалось положением дел на местах и работало неэффективными, чисто аппаратными методами. В Якутской автономной республике с населением в 300 тыс. человек функционировало столько же наркоматов, сколько в РСФСР. При этом они занимались лишь передачей законодательных распоряжений и циркуляров из центра, зачастую не удосуживаясь переводить документы на якутский язык, а перекладывая эту работу на малограмотных работников окружных и улусных исполкомов. Наркоматы со своими аппаратами располагались в Якутске и с улусами, находящимися на расстоянии в тысячи вёрст, никакой связи практически не имели. За полтора года ни один нарком ЯАССР, кроме руководителя наркомата просвещения, здравоохранения и социального обеспечения А. Ф. Боярова, не выехал в улусы и не имел общения с населением.

Одной из причин возникновения мятежа стала проблема колонизации республики русским населением. Единомышленники Ксенофонтова писали, что после 1917 г. земельные угодья русских приленских крестьян увеличились за счет якутских скотоводческих хозяйств, не выдерживавших конкуренции с более передовыми русскими земледельческими хозяйствами. Якуты разорались

и превращались в батраков русских зажиточных крестьян. Ксенофонтов полагал, что «прирезка» земель нарушала сложившийся вековой уклад жизни местного населения. Он пришёл к выводу, что для регулирования массового и бесконтрольного наплыва рабочей силы из других регионов страны требуется расширение самостоятельности республики.

Когда события мятежа вошли в активную фазу, уполномоченный ЯЦИК К. О. Гаврилов в докладе о настроениях населения Мегинского улуса отметил большой процент участия жителей Амгинского и Западно-Кангаласского улусов в повстанческом движении. Причина же, по его мнению, заключалась в том, что амгинцы боялись потерять свои земельные угодья на Алдане, а кангалассцы опасались передачи земель вдоль Ленского тракта русским хлеборобам.

В свою очередь русские крестьяне Олёкминского округа доносили председателю Комиссии ВЦИК Я. В. Полуяну, что на одиннадцатом году революции участки, обрабатываемые ими, числятся собственностью якутов. Они предлагали произвести новый и справедливый передел всей земли между теми, кто на ней трудится. В 1920-е годы на одно русское хозяйство приходилось 0,5–1,5 га пашни, 0,1–0,2 га покосов, а в якутских наслегах Западно-Кангаласского улуса на одно хозяйство якутов приходилось по 137 га земли. ЯЦИК и наркомзем откладывали вопрос о прирезке земли, а отдельные чиновники откровенно заявляли, что «в Якутии русским земли не полагается».

Существенные опасения у национальной интеллигенции Якутии в годы НЭПа вызывала ситуация раздачи концессий иностранцам на территории республики. Они боялись, что в местах добычи полезных ископаемых появятся густонаселённые районы, где коренные жители окажутся в положении людей «второго сорта». Высказывались мысли, что тогда на железных дорогах введут отдельные вагоны для якутов и для «белых», в городах аборигенам запретят входить в иностранные кварталы, а в парках вывешат надписи: «якутам и собакам вход запрещён». Ксенофонтов и его соратники считали, что это приведёт к исчезновению якутов под натиском более культурного «иноплемённого» населения. Для обеспечения равноправия предполагалось закрепить за Якутией право самостоятельного распоряжения землями, недрами, водами, лесами.

Власти, через чекистскую агентуру внимательно отслеживавшие разговоры автономистов, фактически спровоцировали Ксенофонтова на выступление. В сентябре 1927 г. заместитель наркома внутренней торговли Якутии П. Д. Яковлев вдруг предложил ему свои услуги по ведению переговоров с правительством автономии. В это же время поступило сообщение о прибытии красноармейского отряда в с. Покровск, где остановился Ксенофонтов. Тот поспешно попытался через П. Д. Яковлева ознакомить со своей программой местные власти и интеллигенцию в Якутске, чтобы избежать вооружённого конфликта. Однако Яковлев известил партийно-советских лидеров, что у П. В. Ксенофонтова не хватает времени для ведения мирных переговоров с ними. О

провокационной роли Яковлева свидетельствует тот факт, что его не оказалось среди репрессированных после подавления выступления [318] .

После первых арестов Ксенофонтов скрылся из Якутска и собрал вооружённый отряд, который, однако, почти не предпринимал каких-либо активных действий. Однако размах движения, насчитывавшего около 200 участников и носившего преимущественно ненасильственный характер, сильно испугал центральные власти. Так, 24 ноября 1927 г. Политбюро ЦК ВКП (б), рассмотрев вопрос о политическом положении в Якутии, постановило поручить ОГПУ принять срочные меры для ликвидации «бандитизма» (несуществующего!), но избегать расстрелов и лишь в исключительных случаях приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания — по согласованию с органами ОГПУ Сибири и Дальнего Востока. Для поддержки якутским чекистам отпустили ещё четверть миллиона рублей.

Но выступление Ксенофонтова не удалось подавить быстро. И 22 декабря того же года Политбюро принимает специальное постановление, где говорилось уже о подавлении не бандитизма, а прямого восстания в Якутии. Начальник Якутского облодела ОГПУ Н. В. Петров подлежал немедленному снятию с должности, а «для выяснения причин восстания и выработки необходимых политических, хозяйственных и культурных мер для полного успокоения Якутии» было признано необходимым немедленно послать в республику комиссию во главе с Я. В. Полуяном и видным работником Особого отдела ОГПУ С. В. Пузицким.

Попытки местных властей не допустить кровопролития вызвали жёсткую реакцию центра. 26 января 1928 г. Политбюро приняло третье по счёту постановление о положении в Якутии, в котором констатировался конфликт партийных властей с карательными органами: «Неисполнение оперативных распоряжений ГПУ, а также политические переговоры с бандитами являются грубым нарушением [со стороны] бюро обкома директивы ЦК». Высший партийный синклит приказывал привлечь к ответственности через Центральную контрольную комиссию весь состав бюро Якутобкома ВКП (б) и предписывал «правительству Якутии никаких разговоров с прибывшими в Якутск представителями бандитов не вести и передать это целиком ОГПУ».

В итоге руководство Якутии было отстранено, а фактическая власть перешла к оперативной тройке по ликвидации бандитизма. Её составили временно исполняющий должность секретаря Якобкома ВКП (б) К. К. Байкалов, особоуполномоченный ОГПУ по Якутии С. М. Буда (бывший помначальника Томского окружного отдела ОГПУ) и председатель СНК ЯАССР С. В. Васильев. В преследовании ксенофонтовцев участвовали красноармейские сводные отряды И. Я. Строда (255 чел.), бывшего якутского чекиста Н. Д. Кривошапкина-Субурусского, К. М. Котруса и других. В распоряжении тройки было несколько опытных сибирских чекистов (Ф. Т. Воротилов, Кунцевич), а также «варяги» из Центра во главе с помощником начальника Особого отдела ОГПУ С. В. Пузицким.

Как показал в конце 1929 г. знаменитый чекист Яков Блюмкин, его ещё в 1927-м предполагали отправить на подавление восстания в Якутию, но Пузицкий всё откладывал ознакомление бывшего эсеровского боевика с материалами, а потом сам убыл в Якутск [319]. Вместо отправленного резидентом за кордон Блюмкина лубянские начальники послали в Якутию проштрафившегося ленинградского чекиста. Относительно роли Сыроежкина в якутских событиях известно немного. С 1927 г. по февраль 1929 г. Сыроежкин являлся уполномоченным Северо-Восточной экспедиции ОГПУ и начальником карательной группы, действовавшей против повстанцев в Среднеколымском округе.

Опыт борьбы с «ксенофоновщиной» наглядно показал лубянским начальникам, что чекистский аппарат в Якутии был слабым и очевидным образом нуждался в привлечении специалистов со стороны. Так, 3 октября 1927 г. произошёл большой конфуз с участковым уполномоченным ОГПУ В. И. Халиным, который, имея в подчинении шесть человек, в панике бежал при приближении к с. Петропавловск мятежного отряда М. К. Артемьева, состоявшего всего из 14 участников. Вероятно, его испугала судьба одного из местных партийцев: примкнувшие к якутским мятежникам тунгусы Сысолятин, Максимов, Амосов и Атласов, занявшие Петропавловск до прихода отряда Артемьева, по своей инициативе расстреляли коммуниста Петра Прокопьева. Насколько известно, это была единственная человеческая жертва во всей кампании со стороны властей.

И вот Халин, который ранее при подавлении выступлений храбро присваивал трофеи, увидев настоящую опасность, сбежал налегке, бросив как списки информаторов, так и районные сводки вместе с директивами ОГПУ. В январе 1928 г. вся эта документация была обнаружена органами ОГПУ «при захвате бандштаба в Мытатском наслеге». Чекисты сообщали, что в руках повстанцев оказался и наисекретнейший приказ ВЧК от 17 июля 1921 г. № 216 «с инструкцией по осведомлению, разработкам и агентуре, на коем бандитом Ксенофонтовым были сделаны пометки о возможности применения указанной формы работы внутри банды». За «преждевременное бегство... от бандитов» и оставление врагам секретной переписки в сентябре 1928 г. Халин оказался под судом Коллегии ОГПУ [320].

Вообще, повстанцы не демонстрировали особой враждебности к чекистам, оказавшимся в пределах досягаемости. Заведующий факторией коммунист Фомин вместе с сотрудником ОГПУ Рекославским жили на свободе в своём доме в Петропавловске с одним условием: не отлучаться из селения. Отряд М. К. Артемьева перед выездом из Петропавловска во второй половине ноября 1927 г. освободил из-под стражи работника ОГПУ Николая Прокопьева. Когда работу оплошавших местных чекистов стали оценивать прибывшей в Якутск комиссией, то высокопоставленные следователи не ограничились отдачей под суд одного Халина. Так, уполномоченный ОГПУ П. С. Жерготов, добившийся бескровного разоружения отряда Артёмьева, был расстрелян — видимо, с целью скрыть какие-то неприятные для чекистской верхушки факты.

Под беспощадную расправу угодила значительная часть крохотной национальной интеллигенции, насчитывавшей порядка 300 человек. Всего по делу «ксенофоновщины» было репрессировано 272 чел., из них 128 оказались расстреляны, а 130 — осуждены на различные сроки заключения. Жертвами произвола пали не только непосредственные участники движения, но и непричастные к нему представители якутской интеллигенции. Быстрое подавление «ксенофоновщины» не изменило чекистские планы оставить в Якутии столичных карателей из ОГПУ на продолжительное время. Логика работников тайной полиции говорила о том, что в поражённой очередным восстанием республике необходимо найти и обезвредить затаившиеся повстанческие ячейки. А связь нелояльных советской власти лиц с японскими и американскими шпионами была для чекистов аксиомой.

В разгар «ксенофоновщины» Сыроежкин на исходе 1927 г. был командирован на арктический север Якутии, где организовал поимку и ликвидацию рижского немца, ссыльнопоселенца Юрия Адольфовича Шмидта, подозреваемого в шпионаже в пользу США, а ещё ранее — в пользу Германии. В ссылке Шмидт стал видным предпринимателем, держателем фактории. По официальной версии, Сыроежкин, как следует напоив хозяина, при прощании уговорил его проводить себя и скрутил ничего не подозревавшего Шмидта на околице, а потом увёз в расположение опергруппы.

Ю. А. Шмидт вскоре оказался застрелен при попытке бежать. Не исключено, что его просто ликвидировали и документы о попытке побега фальсифицировали. А обвиняли Шмидта в шпионских связях с Америкой и попытках поднять восстание с целью отделить Якутию от СССР [321] .

Современные чекистские историки вынуждены писать об истории с «заговором» Шмидта куда более осторожно: «Сейчас трудно сказать, имели ли заговорщики действительно серьёзные политические цели. Скорее всего, они просто стремились обогатиться, а затем бежать в Америку и жить там в своё удовольствие». Из этого пассажа следует, что человек, желавший обогатиться и сбежать за границу, всё равно является заговорщиком... А в якутской прессе до сих пор встречаются рассказы про готовившийся в северных районах республики «контрреволюционный мятеж под руководством американского резидента Шмидта, который должен был укрепиться там, а затем с помощью американцев организовать дальнейшее продвижение в глубь Якутии» [322] .

После подавления «ксенофоновщины» Григорий оставался в Якутии примерно год. В начале 1929 г. вернувшегося из Восточной Сибири Сыроежкина назначили старшим уполномоченным КРО в аппарате полпредства ОГПУ Сибкрая. Находясь в этой должности, Григорий не отсиживался в краевом центре — Новосибирске, а успешно громил многочисленные мятежи в Забайкалье (лето — осень 1929 г.), Бурятии (зима — весна 1930 г.), а также в Ачинском округе, Горном Алтае, на севере Монголии (лето 1930 г.). Летом-осенью 1930 г. он подавлял крестьянское восстание в Сретенском округе

Дальневосточного края. В том же году от Коллегии ОГПУ Сыроежкин получил именную маузер — уже второй по счёту (первый ему достался в 1926 г.).

В особо ответственных случаях ему поручались и операции за рубежом: осенью 1929 г. Сыроежкин активно участвовал в конфликте на КВЖД, организовывая диверсионные рейды в китайском тылу. О том, что это были за операции, можно узнать из китайской русскоязычной прессы того времени. Например, харбинская «Гун-Бао» 25 октября 1929 г. сообщала, что жесточайшая расправа 1 октября над мирным населением станиц в Трёхречье, где советские карательные отряды резали «белых русских» мужского пола сотнями, не щадя и младенцев, вызвала большое возмущение в Маньчжурии. Там «беднота и средние классы населения» собирали для беженцев деньги и вещи, было подано около 40 заявлений на усыновление сирот.

В те же недели советские войска три дня бесчинствовали в приграничном районе Лахасу. Оттуда в Харбин прибыли беженцы, рассказавшие, что красные разграбили и сожгли все посёлки, увели с собой до 600 жителей, а свыше 100 чел. расстреляли, в том числе молодёжь, отказавшуюся «добровольно» вступить в РККА [323].

Документы советских органов госбезопасности не противоречат данным эмигрантской печати, хотя преуменьшают число жертв. По данным полпредства ОГПУ по Дальне-Восточному краю, на протяжении советско-китайской границы от Даурии до Владивостока действовало 12 «белобандитских формирований», численность которых в условиях военного времени могла бы достигать 1,5 тыс. чел., а максимальная численность всех военизированных эмигрантских организаций оценивалась в 6 тыс. чел. Основными районами дислокации белогвардейских формирований являлись ряд приграничных районов, а также Трёхречье и Мулинские копи. Наиболее крупной из белогвардейских групп, действовавших в приграничье, являлся отряд Гордеева, расквартированный на станциях Якеши и Пограничная. Наибольшую известность в этот период приобрела группа Мохова, численностью 25 чел., перешедшая на территорию СССР в районе Пограничной 10 сентября и окончательно ликвидированная лишь 21 октября 1929 г.

Ещё до начала широкомасштабных военных действий с китайской армией, в конце сентября — октябре, военные и чекисты силами 54-го пограничного отряда ОГПУ провели три военных рейда на территорию Китая в районе Трёхречья, ставя перед собой задачу дестабилизировать с помощью террора обстановку в приграничной полосе, заселённой в основном казаками-белоэмигрантами. 28 сентября нападением подверглись все населённые пункты, расположенные по направлению к поселкам Тынхе (Тыныхэ), Драгоценка и Усть-Щучье. Наиболее разрушительными последствия этих операций стали для поселков Вормары, Аргунск, Комарово и Дымасово, которые были полностью разгромлены. Резня зафиксирована в Тынхе (140 убитых), а также Чанкыре и Дымасово (вырезаны все, включая младенцев). 11 октября произошёл налёт на поселки Лабдарин, Кици-нор и Усть-Уровск.

Всего в ходе рейдов, по данным ОГПУ, погибло более 130 жителей Трехречья, а русское население бежало из приграничных районов вглубь Трехречья, в долину р. Дербул. Новая карательная операция на этой территории планировалась военными на декабрь 1929 г., но из-за начавшихся переговоров по урегулированию конфликта и учитывая длительность планируемой операции, которая могла занять до 10 дней, Москва приняла решение не вводить регулярные войска в Трехречье. Как сказано в новейшем исследовании Г. В. Мелихова, жертвами чекистских набегов стали около 1.000 чел.

В рамках собственно советско-китайского военного конфликта, в период с 12 октября по 20 ноября 1929 г., Особой Дальневосточной армией были последовательно проведены три наступательные операции на территории Китая: Сунгарийская (12 октября — 2 ноября), Мишаньфуская (17–18 ноября) и Маньчжуро-Чжалайнарская (17–29 ноября). В ходе Маньчжуро-Чжалайнарской операции были заняты 18 октября Чжалайнор (Джалайнор) и Чжалайнорские копи, 20 октября — ст. Маньчжурия, а 27 ноября — Хайлар [324] .

В результате террористических акций отрядов ОГПУ беженцами стали до 10 тыс. русских эмигрантов, а те из них, кто не успели бежать со ст. Маньчжурия и ст. Хайлар, оказались подвергнуты репрессиям. Только из Чжалайнора и Маньчжурии, по данным ОГПУ, было увезено в СССР более 150 белоэмигрантов, по другим источникам — до 400. Известно, что спецгруппу чекистов в захваченном Хайларе возглавлял не раз упоминавшийся выше начальник КРО дальневосточного полпредства ОГПУ, видный чекист Н. М. Шнеерсон, получивший вскоре орден Красного Знамени [325] .

Партизанское дело

Боевые заслуги Сыроежкина оценили по достоинству. Вернувшись из Забайкалья с отчётом об очередном подавленном восстании, Григорий в октябре 1930 г. был наконец-то повышен и обосновался в Новосибирске, получив ответственный пост начальника 1-го отделения Особого отдела полпредства ОГПУ по Запсибкраю. Но уже с 1 января следующего, 1931 г. он снова превратился просто в оперуполномоченного — видимо, опять был наказан за пьянство, поскольку представить Григория отлынивающим от истребительной работы невозможно.

Например, в феврале 1931 г. он участвовал в фабрикации ряда дел в рамках организации «Чёрные», по которому прошли три сотни крестьян-«повстанцев», арестованных на территории современных Новосибирской области и Алтайского края. По этому делу к расстрелу было приговорено 72 человека [326] .

В конце 1930 — начале 1931 г. новосибирскими особистами с помощью аппарата Каменского райотдела ОГПУ была ликвидирована «контрреволюционная повстанческая организация» на Алтае, в число руководителей которой были записаны бывшие видные партизаны З. С.

Трунтов-Воронов (начальник штаба партизанского корпуса), Н. С. Суханов (помощник командира партизанского корпуса), М. В. Боев, Г. И. Бутырский, Я. Н. Половинкин и другие. Это были колоритные личности, крайне раздражённые и произволом периода коллективизации, и забвением их революционных заслуг. По мнению чекистов, организаторами группировки являлись совершенно «спившиеся и разложившиеся» личности из бывших партизан, которые были обижены на власть и объединились вокруг «партизанских авторитетов».

Партизанские вожаки находились под чекистским колпаком со времён гражданской войны. Это были люди, проявившие самостоятельность взглядов, организованные и имевшие большой боевой опыт, что делало их в глазах властей потенциально опасными. Трунтов, Суханов и Половинкин впервые были арестованы ещё в 1920 г., поскольку красные очень опасались популярных партизанских вожаков, обильно представленных после свержения Колчака в местном управлении и обычно крайне негативно воспринимавших практику военного коммунизма. Вскоре их вынуждены были отпустить, но оставили под агентурным наблюдением.

Партизанщина в Сибири отличалась крайней свирепостью. Пленных обычно не брали: захваченных сторонников белой власти тут же рубили шашками, экономя патроны и не брезгуя самыми страшными издевательствами — выкалывали глаза, отрезали носы и уши, бросали в костёр... Агитатор (и будущий жесточайший чекист) Я. А. Пасынков из Первой горной партизанской дивизии Ивана Третьяка, действовавшей на Алтае, вспоминал в 1927 г. для истории: «Пленных дивизия редко брала, большинству головы отрубали на «рукомойке»». Рассказывая о казни 180 казаков с. Чарыш осенью 1919 г., Пасынков спокойно отметил, что им «устроили мясорубку (т. к. патронов для расстрелов жалели)» [327].

Страшное прошлое довлело над многими партизанами, которые вином и буйством заглушали воспоминания о реках пролитой крови. Вместе с тем они были страшно далеки от мыслей о покаянии и считали зажиточную часть деревни колчаковскими недобитками. Самостоятельность партизан специфическим образом распространялась и на чужую собственность, которую те со времён гражданской войны считали законным трофеем. Так, Н. С. Суханов два года спустя после возвращения в Сибирь похитил с двумя соучастниками 100 пудов хлеба из общественного амбара, получил 6 лет заключения, но год спустя бежал из новониколаевского домзака и жил с тех пор под фамилией Клейменов.

Похожая осложнённая криминалом судьба была и у Боева. Моисей Боев, житель г. Камня (ныне — Камень-на-Оби) и член местного совдепа, после белочешского переворота арестованный и приговорённый к смертной казни, потом бежал и организовал партизанский отряд. После возвращения советской власти Боев поступил в ЧК и четыре года жестоко мстил всем, кто его ранее преследовал. В 1924 г. он выбыл и из «органов», и из партии ввиду обострения травматического невроза. Тогда же участвовал в прямой уголовщине

(ограблении банка), но вскоре добился погашения судимости. В январе 1931 г. его арестовали каменские чекисты и облыжно обвинили в участии в повстанческой партизанской организации.

Не нашёл себя в мирной жизни и бывший командир партизанского эскадрона Г. И. Бутырский, в конце 1929 г. скрывавшийся от милиции в связи с растратой. Чтобы добыть денег, он убеждал случайных знакомых в том, что является одним из лидеров повстанческой группировки, которая готовит восстание. Зацепившись за эту информацию, чекисты развернули дело и арестовали 27 чел. — то есть всех, кто эти слухи пересказывал. Основная часть привлечённых к бывшим партизанам отношения не имела. Немалую роль в запутывании доверчивых обывателей в чекистскую сеть сыграл бывший коммунист Ф. И. Чернышев, секретный информатор Каменского райаппарата ОГПУ.

Помогло чекистам и письмо секретаря партиячейки с. Ярки Луценко, в котором тот в январе 1930 г. сообщал Каменскому райкому ВКП (б) о трудностях в проведении коллективизации и хлебозаготовок. По мнению Луценко, причиной трудностей стало наличие в селе антисоветской организации — «этой организованной контрреволюционной силой являются партизаны». Активист призывал на помощь органы ОГПУ, чтобы «к-р гнездо расслабить». Впоследствии тот же Луценко обвинял Трунтова в том, что этот крепкий хозяин-единоличник «помогал мучицей» многим разорённым и голодавшим односельчанам, питавшимся лебедой.

Григорий Сыроежкин активно участвовал в следствии по партизанскому делу, проводил очные ставки и подписал обвинительное заключение. В мае 1931 г. партизан осудили тройкой на разные сроки заключения, а раскулаченного мясоторговца Е. Ф. Душкина, давшего 10 рублей Бутырскому «на организацию», расстреляли. В период реабилитации в 1965 г. выяснилось, что признательные показания обвиняемые давали «под принуждением», в том числе физическим [328].

На расправе с бывшими партизанами Григорий не остановился. Случай снова отличиться представился ему через несколько месяцев: летом 1931 г. Сыроежкину поручили командовать отрядом при подавлении восстания в Чумаковском районе, где тот проявил себя с привычной жестокостью.

Чумаковское восстание

В отличие от 1930 г., крестьянские восстания в терроризированном чекистами Западно-Сибирском крае в 1931 г. вспыхивали только дважды. Одно из них — вооружённое выступление голодавших ссыльных крестьян в Парбигской комендатуре Чаинского района Нарымского округа — давно описано в литературе. Но тремя неделями ранее Парбигского восстания в июле 1931 г. на территории современных Убинского и Северного районов Новосибирской области (тогда на их месте существовал Чумаковский район Западно-

Сибирского края) в бассейне Оми, Ичи и Сенчи вспыхнуло крупное крестьянское выступление против «раскулачивания» под лозунгом «Долой коммунистов и колхозы, да здравствует свободная торговля!» Спрятавшиеся от властей в глухой тайге крестьяне, знакомые с советским произволом не понаслышке, увидели в политике «великого перелома» возвращение ненавистного военного коммунизма и дали ему ещё один бой. До сего времени даже в новейшей литературе об этом восстании приводится весьма скудная и не вполне точная информация.

В течение нескольких дней восставшие стремительно захватили 24 села, посёлка и хутора, где разогнали сельсоветы и выбрали старшин. Советская власть исчезла на значительной части малонаселённого сибирского севера. Мятежниками было убито 13 колхозных активистов и милиционеров. Так что предположения историков о малой агрессивности и бескровности этого выступления, основанное на опубликованных ранее очень скудных сведениях, неточно (так же, как и указание на то, что в числе основных причин восстания был голод) [329]. Документы следственного дела говорят, что восстание было направлено именно против представителей власти и их сторонников, отрицало советские порядки в целом и коллективизацию в частности, а руководили им люди, вовсе нечуждые личной мести.

Вскоре после подавления мятежа председатель Чумаковского райисполкома Бухарин подготовил справку, в которой 1 сентября 1931 г. сообщал, что в урманной и приурманной полосе района (то есть в самой глухой тайге) существует 24 самовольных посёлка на 746 дворов. Часть из них была основана десятью годами ранее беглыми крестьянами Колыванского района (участниками большого антисоветского восстания 1920 г.), а в 1930–1931 гг. пополнилась «кулаками», бежавшими из нарымской ссылки. Чиновник предельно откровенно выразил своё мнение об этих людях: «Указанное население не только не имеет никакого экономического значения, а даже само мешает проведению в жизнь каких-либо мероприятий Соввласти» и там «совершенно отсутствует рост колхозов». По другим (вероятно, более точным) сведениям, 746 дворов принадлежали к 29 посёлкам. Часть из них были очень маленькие — от 2 до 10 дворов, часть — весьма крупные. В самом большом — Павловском — было 127 дворов, в Дуспенском насчитывалось 76 дворов, а в Лепинском — 34, Аникинском — 20, Поварёнковском — 12, Усть-Сенче — 10.

Чекисты обвиняли повстанцев в том, что они составили тайную организацию из более 200 вооружённых лиц, имевших связи с г. Каинском, Каргатским и Колыванским районами, а также посёлками «раскулаченных» в Шегарской комендатуре Сиблага ОГПУ. Конечная цель — свержение советской власти и установление «народных прав». Созданию организации способствовала слабая советско-партийная работа и засоренность советского аппарата антисоветским и контрреволюционным элементом (имелось в виду то, что многие работники сельсоветов примкнули к восстанию) [330].

По версии следствия, ещё в начале 1930 г. подлежащие высылке кулаки посёлков Союзного, Большаковского и Аникинского — Гавриил Гамзулев, Иван Большаков и Максим Ващенко — скрылись в тайге и повели на хуторах и в посёлках «контрреволюционную вербовочную работу». С первых дней к ним примкнули беглые кулаки — бывший казачий урядник Иван Усков, бывший белогвардеец Александр Калинин, а также Фёдор Шевелев, Максим Гамзулев, Егор Бекешкин, Никита Останин и другие. Заговорщики якобы под видом колхозных собраний проводили свои тайные совещания, а руководитель «бандячейки» с. Собольниково Москвин организовал колхоз, куда вступили зажиточные и твёрдозаданцы. Часть беглых кулаков скрывалась в болотистой части урмана на Черемуховском острове.

В освещении жителей района чекистам активно помогал один из их осведомителей — бывший священник 22-летний Владимир Попов, который после снятия сана был в марте 1929 г. отправлен уполномоченным ОГПУ по Убинскому району Б. А. Свинтульским на работу секретарём сельсовета в Урочище Чёрный мыс «с заданием выяснения обстановки на месте». После полутора лет работы (экс-поп, в частности, перехватывал письма находившегося в чекистской разработке Ф. Куклина) агента отправили в Чумаково.

Согласно информации Попова, «бандячейки» были, так сказать, семейным делом. Да и сами небольшие посёлки часто носили имена их основателей. Например, в крохотной Усть-Сенче лидерами повстанчества были братья Горчаковы: Лефантий, Прохор, Федот, Александр, Иван, Вениамин и Фёдор, в Аникинском — владельцы мельницы Фёдор, Степан и Митрофан Кокорины. В пос. Осиновском — В. И. Дурейко, в Баевском — Пётр Баев, Алексей Степанов и Казарин, в Соловьёвском — Марк Соловьёв, Пётр Блезаренко, Василий Неганов, в Большаковском — Иван Большаков и Максим Ващенко, в Куклинском, Потеряевском и Пятистенном — Фёдор Куклин и Савелий Долганов.

Но, по всей видимости, агентура ОГПУ в Чумаковском районе сработала неэффективно и не смогла дать «органам» своевременной информации. А сигналы об опасном положении в районе были. Незадолго до восстания жители с. Крещенка оказали сопротивление раскулачиванию: до 200 крестьян напали на милиционеров, конвоировавших двух арестованных «кулаков». Обоих милиционеров арестовали, а «освобождённых кулаков качали на руках и снабдили продовольствием». В чекистском отчёте полпред ОГПУ Л. М. Заковский сокрушённо отметил, что «вокруг этого факта партийная организация достаточной работы не провела». Да и районные власти в целом авторитетом у населения не пользовались.

Справка по архивному оперативному делу № 12973, заведённому в июне 1931 г. в связи с «группированием кулачества» в Чумаковском районе, даёт скудные сведения о предыстории выступления. Так, в сообщениях начальника Чумаковского райаппарата ОГПУ Н. И. Ульянова указывалось, что беглые кулаки, вооружённые трёхлинейками и обрезами, концентрируются на севере

района. Организаторами восстания были Гавриил Иванович Гамзулев, Никита Максимович Останин, Иван Усков, Егор Бекешкин, Александр Калинин, Фёдор Шевелев, Александр Акулинский.

Возглавивший восстание Г. Гамзулев был обижен не только конфискацией имущества. Об этом говорят показания свидетелей в период проверки дела на участников восстания, которая производилась целых 37 лет спустя — редкость для групповых реабилитаций. Так, барабинский бухгалтер П. Д. Мицкевич в 1968 г. показал, что в 1930 г. в посёлок Завидное приехал работник Чумаковского райисполкома и настоял, чтобы актив сельсовета лишил избирательных прав как кулака и выслал Гавриила Гамзулева. Тот, узнав об этом, взял лошадь и поехал с женой и сыном в указанное место ссылки «за болото», но потом тайком отправил семью к тестю в село Крещенское. У отца жены в то время на квартире жил заведующий Крещенской конторой учлеспромхоза партиец Шейко, который вскоре заставил Гамзулеву выйти за него замуж, забрав себе и сына Гамзулева, и его лошадь — отличного кровного рысака. Эта история осталась в памяти крещенских старожилов, которые много лет спустя рассказывали, как люди из отряда Гамзулева летом 1931 г. выкрали у Шейко гамзулевского коня... Кстати, Заковский указывал, что Шейко «устраивал массовые пьяные оргии», а районными властями «к изжитию ряда безобразий в учлеспромхозе мер не принималось, антисоветский элемент широко использовал это в контрреволюционных целях» [331].

Восстание началось в качестве ответа на очередную волну арестов и высылки. 6 июля 1931 г. небольшой отряд Ивана Ускова между посёлками Аникинским и Поварёнковским расправился с активисткой-батрачкой Ефросиньей Тропковой, обвинённой в том, что по её доносу был раскулачен Егор Кокорин, затем бежавший и ставший одним из активных повстанцев. Шестеро повстанцев, в том числе Иван Усков, а также Егор и Фёдор Кокорины в ночь на 9 июля осуществили налёт на пос. Аникинский, забрав с собой семью подлежащего высылке «кулака» Фёдора Кокорина. Днём между посёлками Желтоухово и Майнак несколько повстанцев организовали засаду на председателя Александровского сельсовета Литвинова и уполномоченного райисполкома Веселова, но те заметили опасность и смогли скрыться.

На место происшествия 10 июля выехал вооружённый отряд: райуполномоченный ОГПУ Н. И. Ульянов, начальник раймилиции Кутько, уполномоченный угрозыска Игнатенко, а также ведомственный милиционер Щербаков с председателем сельсовета Урочища Чёрный мыс Гамарниковым и объездчиком леспромхоза Гребенщиковым. Они были направлены для расследования убийства Тропковой и задержания семьи Кокорина. Однако этот отряд угодил в засаду и разбежался, причём сначала Усков убил Гамарникова, а затем были выловлены и уничтожены пытавшиеся скрыться в лесу милиционеры Игнатенко и Щербаков. Начальники районного ОГПУ и милиции, а также объездчик смогли спастись.

В тот же день, 10 июля, восставшими были захвачены сёла Чумаковского района: Крещенское, Шевелевка, Гороховая Грива, пос. Мартемьяновский и другие, разогнаны сельсоветы и колхозы, арестованы свыше 150 чел. В ближайшие дни восстание охватило следующие посёлки: Аникинский, Баевское, Большаковское, Гольский, Дупленский, Завидный, Красинское, Куклинский, Лепинский, Лисьи Норки, Осиновское, Поварёнковский, Потеряевский, Пятистенный, Радовский, Собольниково, Соловьёвский, Союзное, Урочище Чёрный мыс, Усть-Сенча, Ушково, Ческидово, Черный.

Восстание разгорелось в течение нескольких дней, охватив значительную часть взрослого мужского населения 24 посёлков: если там было 750 дворов, то населения в них насчитывалось примерно 3.500 — 4.000 душ. Половина — женщины, из оставшейся мужской половины — большая часть мальчишки и подростки. Так что мужчин было до 1.000, из которых порядка 200 ушли к мятежникам. В ряде случаев поддержали повстанцев и местные власти: члены Собольниковского сельсовета К. Макаров и Просторин участвовали в вылавливании советско-партийного актива, а сельсоветы Урочища Чёрный мыс и Крещенского загодя до восстания снабдили «главарей банды бланками с печатями и удостоверениями».

Центром повстанчества стало с. Крещенское, в связи с чем мятеж в чекистских источниках именуется Крещенским. В ночь на 11 июля в Крещенском на складе леспромхоза было захвачено 11 пудов пороха, а сторож Яков Софронов увезён и затем убит. Лёгкие победы воодушевили повстанцев. Настроение им подняли и захваченные на складе несколько ящиков водки. На рассвете 13 июля мятежниками был захвачен пос. Аникинский и убиты два милиционера, а также объездчик.

Сотрудники милиции и объездчик Василий Колотов (последний хотел бежать, но был ранен самими милиционерами) держали оборону в избушке, крича, что будут стрелять до последнего патрона. После долгой перестрелки мятежники смогли подобраться ближе и добить одного из милиционеров, к тому времени раненного. Второй пытался спрятаться в подполье, но безуспешно. В горячке боя расправились и с незадачливым беглецом Колотовым (по иным данным, был убит объездчик Костюков, а Колотов — только ранен). Как утверждали чекисты, к отряду примкнули «бандячейки» Аникинского и других деревень, после чего восставшие выступили дальше [332].

Лозунги, провозглашённые повстанцами, были обычными для антиправительственных выступлений начала 1930-х гг.: «Долой коммунистов, активистов и коллективы!», «За трудовое крестьянство, за восстановление народных прав, вольной торговли и такого государственного строя, при котором не было бы лишенцев», «Советская власть нужна, но существующее правительство нужно свергнуть». По данным следствия, свои отряды руководители восстания якобы хотели назвать «Чёрной гвардией» и «Чёрной армией», а сражаться собирались под чёрным знаменем с жёлтым крестом, что вызывало в памяти символику партии анархистов.

При выступлении мятежники имели 30 трёхлинейных винтовок и до сотни охотничьих ружей, остальные повстанцы были вооружены пиками и вилами. У них был свой кузнец К. Я. Грейсон, который с десятком помощников занимался ремонтом оружия, отливкой пуль и снаряжением патронов. Следователи особо подчёркивали, что в связи с уничтожением главарей банд точная численность восставших, а также численность бандячек не были установлены.

15 июля в пос. Гольский приехали руководители восстания: Гамзулев, Усков, Кокорин и Останин, деятельно занявшиеся пополнением. Никита Останин выехал в Усть-Сенчу, собрал народ и объявил, что отрядом заняты ближайшие города Каинск и Барабинск, а также райцентр Чумаково; Каргат и Убинское вот-вот будут взяты. Из десяти дворов Усть-Сенчи прибыло шесть добровольцев. На следующий день Останин приехал в пос. Собольниково, созвал собрание и заявил, что власть грабит крестьян и всё делает под наганом, так что он, батрак, тоже выступил против коммунистов. После его выступления в посёлке был образован отряд, разбившийся на две части: десять ушли к повстанцам, а тридцать — образовали засаду на случай прихода коммунистического отряда. Согласно чекистской версии, тогда же мятежники через курьеров пытались связаться с Шегарскими спецпосёлками и поднять тамошних ссыльных крестьян.

16 июля, в восьми километрах от Крещенского, отряд из 50–60 повстанцев столкнулся с партийным отрядом. После боя, в котором партийцы потеряли троих убитыми, они отступили, а повстанцы вошли в Крещенское. На берегу Ичи в засаду попали четыре отставших от своих отрядчика: учитель Чумаковской школы Ржевский, а также Березин, Сорокин и Чечин. Их привели в Крещенское и расстреляли сначала двоих, а Ржевского тяжело ранили. После ухода партотряда из Крещенского сразу публично был убит — расстрелян посреди улицы — сторож леспромхоза Я. Сафронов, а потом и его сын-комсомолец, тоже Яков. Были и другие жертвы: бедняк-колхозник Д. А. Яковлев, крещенский активист, кричавший, что «бандитское семейство нужно ликвидировать», 17 июля был расстрелян у силосных ям вместе с раненым накануне учителем Ржевским. На следующий день в селе Иваном Александровым был убит секретарь нарсуда Сорокин. Председатель Крещенского сельсовета Михаил Пешков отделался ранением (в другом документе он числится среди убитых). Ещё одна жертва мятежа — убитый председатель колхоза в деревне Ушково.

Вообще, документы следственного дела полны противоречий. Так, Савелий Долганов сексотом В. В. Поповым записан в активные бандиты, а в другом месте, напротив, именуется активистом из пос. Аникинское, которого убили мятежники. Свидетельством этому — официальный акт об осмотре трупа Долганова, который 29 июня 1931 г. был обнаружен в лесу в одном белье и с несколькими огнестрельными ранениями [333]. Кто с ним расправился — неизвестно, но предположения напрашиваются сами собой. Если с натяжкой допустить, что в документе описка и его следует датировать 29 июля, то тогда

выходит, что он — жертва уже советского террора. Хотя вряд ли убитых карателями повстанцев осматривали и составляли какие-то акты.

17 июля свыше сотни повстанцев атаковали с. Новодубровку, где находился партийный отряд; после продолжительной перестрелки крестьяне, не сумев сломить сопротивления коммунистов, отступили в Крещенское. Их отряд постоянно рос, поскольку во все окрестные населённые пункты были направлены агитаторы: так, 18 июля в пос. Осиновском собрание жителей выделило на помощь повстанцам 11 человек с ружьями (накануне было только двое добровольцев, но основательная агитация дала свои плоды). Отметим, что агитация была разной: так, тогда же в пос. Радовском мятежники, угрожая немедленной пулей в лоб, насильно мобилизовали всех мужчин от 18 до 50 лет, и увели их к Урочищу Чёрный мыс, где 19 июля и произошёл решающий бой.

Ожесточение повстанцев было велико. Если батрачку Тропкову, как говорила одна из свидетельниц, убили по ошибке (возможно, та и не была доносчицей), то дальше расправы со сторонниками властей были целенаправленно-беспощадными. Особенную жестокость проявляли несколько активных организаторов восстания — 41-летний середняк А. Н. Иванов («зажиточный», как было определено его социальное положение органами следствия) участвовал в убийстве отрядовца Сорокина и расстреле члена сельсовета М. Пешкова, а 31-летний И. Н. Александров участвовал в расправе над Сорокиным, Сафроновым и Яковлевым.

Повстанец Чуфтайкин говорил: «Жаль, что нет моего сына-красноармейца, а то с ним бы рассчитались». Но и себя мятежники тоже не жалели. Во время боя 17 июля под Новодубровкой раненный Кокорин выполз на чистое место и непрерывно стрелял в коммунистов, «хотя вся фуфайка у него была прострелена». Были отважные бойцы и у красных: один из них, уже полумёртвым, открыл из кустов стрельбу по мятежникам с близкого расстояния, а когда те подбежали, испустил дух. Население активно сочувствовало мятежу и не испытывало симпатий к властям: так, отставшего от своих партотрядчика в Крещенском убили сами мужики, без всякой помощи повстанцев.

Бывший сельский активист И. М. Коротков, работавший председателем сельпо в Крещенском, так вспоминал о своём участии во всех этих событиях. Сначала Коротков был послан Шейко в Чумаково сообщить о повстанцах. По дороге в райцентр тот встретил милиционера, передал ему пакет с сообщением, а сам вернулся в Крещенское. На следующий день в село прибыл партийный отряд во главе с начальником раймилиции Кутько, в который вступил и Коротков. После перестрелки с повстанцами отряд, израсходовав патроны, отступил в Новодубровку, а Коротков был оставлен в Крещенском для разведки. Когда повстанцы заняли село, они вытащили Короткова из подпола и заставили открыть магазин, откуда забрали 5–6 ящиков водки (потом они на 6 тыс. взяли товара в Урочище Чёрный мыс).

Затем Гамзулев приказал Короткову вести двух повстанцев — вооружённых винтовками и наганом Александра Калинина и Мелехова — в посёлок Светлая Грива, чтобы там организовать мобилизацию. Коротков вспоминал: «Не доезжая до посёлка Светлая Грива, бандиты сделали привал и уснули. Я взял винтовку у бандита Калинина и убил их, сначала Калинина, а затем Мелехова. В кармане у Калинина было святое письмо. Я забрал у них лошадей, оружие, боеприпасы и святое письмо и поехал в посёлок Александровка», где вместе с председателем сельсовета отобрал у сельчан оружие, чтобы оно не попало к повстанцам.

Власти, дождавшись помощи из краевого центра, собрали все окрестные партийные отряды из Чумаково, Каргата, Барабинска и Каинска и 19 июля повели наступление на мятежные посёлки. Основной ударной силой наступавших стал конный взвод ОГПУ из 35 всадников под командованием Г. С. Сыроежкина, присланный из Новосибирска. Через некоторое время сводным отрядом стал командовать коллега Сыроежкина по особому отделу старый чекист Н. П. Константинов, чей служебный путь был таким же извилистым, как и у его ровесника Сыроежкина: работа следователем Ревтрибунала Восточного фронта, борьба с бандитизмом в Омской губчека, обвинения в освобождении арестованного за взятку, должность помощника начальника ИНФО полпредства ОГПУ по Сибкраю, а затем опала и рядовые должности в Экономическом и Особом отделах [334] .

После первого же боя под Урочищем Чёрный мыс восставшие, потеряв 45 чел. убитыми, семерых — ранеными и 15 — пленными, рассыпались. В обычном бою раненых всегда в несколько раз больше, чем убитых, поэтому столь небольшое число раненых говорит о том, что их просто-напросто добивали на месте. За уцелевшими шла форменная охота: как вспоминал И. М. Коротков, активный бандит Ф. Ф. Шевелев «впоследствии был убит нашими товарищами», а знакомый Короткова Я. П. Романюк хвастался ему, что при отступлении «банды» убил под посёлком Шевелевка одного из руководителей восстания Егора Бекешкина. Продавца магазина в Урочище Чёрный мыс П. П. Романюка, по словам Короткова, «партотрядчики расстреляли в посёлке Голубовка как пособника банды, в кармане у него было обнаружено 500 рублей».

С 20 июля по 1 августа отрядовцы вылавливали и расправлялись с оставшимися, уничтожив ещё 38 чел., а более двухсот — арестовав. Помимо того, властям удалось задержать 120 «кулаков», бежавших из ссылки. В течение первых пяти дней после разгрома восстания было арестовано до 400 чел., в том числе только в Каинской тюрьме оказалось 349 узников. Затем свыше 150 арестованных были освобождены как «социально близкие». У населения было изъято 15 трёхлинейных винтовок, пять револьверов и 241 охотничье ружьё. Руководители восстания Усков, Бекешкин, Калинин и Шевелев были убиты, а Гамзулев и Останин скрылись. Партийные отряды и войска в ходе боёв потеряли 12 чел. убитыми и двух — ранеными (по другим данным, убитых было 13, но, возможно, в это число вошли только уничтоженные сельские активисты,

поскольку в следственном деле перечислено не менее 20 погибших сторонников властей).

Мятежников погибло 83 чел., но эта цифра, вероятно, занижена. Однако даже по официальным данным погиб примерно каждый десятый из взрослого мужского населения восставших посёлков. Всего же после «раскулачивания», убийств и арестов в северной части Чумаковского района исчезло до трети работников.

В шеститомном деле на участников восстания почти нет подробностей подавления мятежа. Но оно оказалось настолько беспощадным, что представители власти сочли необходимым сообщить о наблюдавшихся эксцессах в Новосибирск. 27 декабря 1931 г. инструктор крайисполкома Ф. В. Тимофеев написал в орготдел, что отрядовцы Сыроежкина не только мародёрствовали, но и производили «самовольные без суда расстрелы, причём одна группа перед таким расстрелом учинила допрос посредством пыток (кололи вилками), после такого «допроса» участники банды (три человека) были расстреляны. Со слов уполномоченного ГПУ по Чумаковскому району Н. Ульянова, двое из них были насильно привлечены в банду. [...] Попытки к расправе на месте были у многих отрядцев».

Районное начальство лично вымещало пережитый страх на безоружных пленных: секретарь райисполкома Стакановский «на глазах публики избивал арестованных наганом», а заведующий райземотделом Непомнящий по приказу Сыроежкина сжёг посёлок в 10 дворов, причём, как отмечалось, без ведома райкома партии. При подавлении восстания также были сожжены два хутора. Эти методы чётко копировали те, что практиковались в гражданскую войну, когда Сыроежкин усмирал тамбовских крестьян. Сигнал инструктора Тимофеева осел в архиве и на карьере Сыроежкина, похоже, не отразился [335].

Следствие велось с аналогичной жестокостью, его задачей было не только наказать настоящих мятежников, но и приплести к повстанцам возможно большее количество участников [336]. В декабре 1931 г. допрошенный при проверке дела М. А. Аникин показал, что в каинской тюрьме следователь принуждал его сознаться в бандитизме и «бил меня камчой (плетью — А. Т.) по правому боку». В итоге власти осудили 225 повстанцев. Сначала тройка полпредства ОГПУ по Запсибкраю в октябре 1931 г. постановила расстрелять тридцать активистов — Ф. Т. Чупилко, И. И. Аверченко и других. Коллегия союзного ОГПУ 19 февраля 1932 г. осудила 190 человек, из которых трое — Иван Александров, 1900 г. р., Алексей Иванов, 1889 г. р., и Степан Шевелев, 1894 г. р. — были расстреляны. 40 человек (С. Т. Колбин, П. П. Шкундра и другие) получили по 10 лет, 105 (М. В. Ливанов, Н. П. Хохлов и другие) — по пять лет, 1 — шесть лет, 20 — по три года концлагерей (причём четверым из них срок сократили на треть). Одного отправили вместе с семьёй отбывать ссылку в «кулацкий спецпосёлок», ещё одного — П. З. Жеребцова — освободили с прекращением дела, а 19 арестантам зачли срок предварительного заключения.

Осуждённых отправили в Сиблаг и Вишерские лагеря. Вскоре один из них — 57-летний П. Т. Бражников — смог бежать из 1-го Мариинского отделения Сиблага, прервав свой десятилетний срок. В течение 1932–1933 гг. в местах заключения погибли шестеро осуждённых по делу о восстании, а всего до 1953 г. умерло 15 заключённых-чумаковцев.

Почти пять лет шёл розыск скрывшихся организаторов восстания. В феврале 1936 г. сибирские чекисты смогли задержать живших по поддельным документам Г. И. Гамзулева (он же Иван Корягин), 1906 г. р., его старшего брата Максима 1901 г. р. (он же Егор Бекхетин) и П. Д. Петрова (он же Никита Бутов). Год спустя их судил краевой суд, приговоривший Г. Гамзулева в расстрелу, а остальных — к 7 годам заключения каждого. Спецколлегия Верховного суда РСФСР снизила срок заключения Петрову до трёх лет, приговор остальным был оставлен в силе. В мае 1937 г. Президиум ВЦИК отклонил прошение Г. Гамзулева о помиловании. За розыск и поимку главаря Крещенского восстания чекист Л. А. Маслов был награждён премией в размере 500 руб.

История мести повстанцам не закончилась с той расправой над ними, которую учинили сначала Сыроежкин, а затем — внесудебные органы. Несколько лет спустя уцелевшие мятежники пополнили ряды «врагов народа». В сентябре 1937 г. тройка управления НКВД по Запсибкраю с подачи Каргатского райотдела НКВД и Куйбышевского оперсектора НКВД осудила к расстрелу по сфабрикованному делу РОВСа 37 местных жителей. В период реабилитации было отмечено, что почти половина осуждённых в прошлом участвовали в Чумаковском восстании. Всего же в 1937–1938 гг. было расстреляно 25 бывших участников мятежа.

После реабилитационной проверки новосибирский областной суд 23 мая 1969 г. признал обвинения в бандитизме относительно 146 обвиняемых обоснованными. Одновременно он постановил прекратить дела на 44 чел., необоснованно осуждённых по «бандитской» статье 59-3 УК [337] .

Возвращение в Европу

Усердная работа Сыроежкина в последние месяцы его сибирской карьеры не получала заметного отклика от начальства: после именного маузера в 1930 г. он не удостоился каких-либо наград. Подавление Чумаковского восстания тоже не принесло ему лавров. Сыроежкин неустанно мотался по Сибири до самого своего отъезда: так, в июне-июле 1932 г. он целый месяц провёл в командировке в Томске [338] - явно в связи с фабрикацией какого-то немаленького дела. Отъезд главы чекистов Сибири Л. М. Заковского весной 1932 г. в Белоруссию, который сразу забрал с собой главу особистов СибВО А. К. Залпетера, поначалу не внёс изменений в судьбу Григория. Вероятно, он со временем всё же смог упротить своих начальников взять его к себе.

Перемещение Сыроежкина в Минск произошло в ноябре 1932 г. Получив должность начальника 2-го отделения Особого отдела ОГПУ БССР, он занялся привычным делом - поиском и «выкорчёвыванием» врагов. Известно, что Сыроежкин участвовал, по официальной версии, в «ликвидации крупных организаций буржуазных националистов». Охота на интеллигенцию принесла чекисту признание. За вскрытие в 1933 г. мифического «Союза освобождения Белоруссии» Григорий был награждён золотыми часами, а в следующем году его повысили до помощника начальника республиканского Особого отдела [339].

Вхождение в обойму доверенных людей Заковского стало для Сыроежкина хорошим карьерным трамплином. Когда Заковского в декабре 1934 г. перевели в Ленинград, Григорий с удовольствием последовал за ним, после девятилетних странствий снова обретя возможность работать в знакомом пограничном округе. И работа напоминала прежнюю, хотя теперь была сопряжена с куда большим накалом политических репрессий.

Согласно официальной версии, Сыроежкин в Ленинграде «руководит и лично участвует в ликвидации шпионских и террористических групп, созданных германской разведкой» (разумеется, существовавших лишь в воображении НКВД). Заковский провёл широкую чистку приграничного округа от всех лиц, считавшихся потенциально опасными. Уже весной 1935 г. из пограничных областей Ленинградской области и Карельской АССР было выслано 22,5 тыс. человек. Чекисты Особого отдела ЛенВО отчитались за ликвидацию в течение 1935 г. целых 13 крупных организаций и 136 «террористических групп», а также 56 резидентур всех возможных разведок: японской, корейской, польской, латвийской, эстонской, финляндской... Очевидно, что Григорий имел прямое отношение ко многим из этих фальсификаций.

Сыроежкин крепко осел в Особом отделе ГУГБ НКВД ЛенВО, постоянно выезжая с тайными заданиями за рубеж - в Германию, Норвегию, Финляндию, Швецию. Там он встречался с агентурой, в том числе с таким важным осведомителем НКВД, как бывший организатор кронштадтского восстания С. М. Петриченко. Сыроежкин был на очень хорошем счету и, будучи первоначально представленным к званию капитана госбезопасности, получил весной 1936 г. - скорее всего, благодаря покровительству Заковского - звание майора госбезопасности, что соответствовало чину комбрига. Год спустя свежеиспечённый комбриг отправился воевать с франкистами в Испанию, где проявил себя храбрым и расторопным инструктором-диверсантом партизанского корпуса.

В 1938 г. основные руководители советской разведки уже были либо расстреляны, либо арестованы. От них получили необходимые компрометирующие материалы и на советника Сыроежкина. Есть сведения, что Сыроежкин в Испании высказывал сомнение в деле Тухачевского, но эти сообщения авторов-чекистов малодостоверны, поскольку из них также следует, что Сыроежкин якобы обвинял в репрессиях Лаврентия Берия, который на

самом деле появился в союзном НКВД много позже, в разгар испанской работы Григория, и никакого отношения к делу маршала не имел...

Советника в конце концов отозвали. Он прибыл в Москву, поселился в гостинице и принялся ждать развязки. Думал ли 38-летний Григорий, что его жизнь заканчивается? В расстрельном списке на 134 чекиста, подписанном Сталиным 20 августа 1938 г., его фамилия стояла под номером 111. Сибирско-белорусские начальники Сыроежкина — арестованные в апреле Заковский и Залпетер — тоже значились в этом списке.

Ещё целых полгода Григорий, не подозревавший, что любимый вождь давно согласился с его расстрелом, был на свободе. Мало того, он получил за испанские дела орден Ленина! Такая задержка с арестом Сыроежкина известными материалами никак не объясняется. Только 8 февраля 1939 г. за ним пришли. И вот тогда лубяньские костоломы отыгрались на волоките с арестом. Следствие продолжалось менее трёх недель, велось ударно и известными методами, что предопределило быстрое признание Григория в антисоветской деятельности. Сам умевший быстро получить признание от очередного «врага», он хорошо понимал, что выхода нет и сопротивляться следствию бессмысленно.

Логика лубяньских коллег была ему вполне доступна: раз начальники поголовно оказались врагами, то их подчинённый тоже подлежит чистке. И уже 26 февраля Сыроежкин предстал перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. В эту ночь на её заседаниях были приговорены к высшей мере состоявшие в Политбюро В. Я. Чубарь, С. В. Косиор, П. П. Постышев, а также ряд видных чекистов... Почётную компанию высокопоставленных смертников пополнил и «польский шпион» Сыроежкин, расстрелянный немедленно по вынесении приговора.

Ровно 19 лет спустя, в феврале 1958 г., состоялась реабилитация — та же Военная коллегия Верховного Суда постановила считать Сыроежкина невиновным. Самые страшные свои дела он совершил на рубеже 20 — 30-х годов, а в эту эпоху прокуроры с расследованиями практически не сошлись. Поэтому награждённый орденом Ленина испанский советник, о котором уцелевшие коллеги говорили только хорошее, логично и легко превратился в героического чекиста-разведчика. О Сыроежкине были написаны книга и многочисленные очерки, где практически ничего не говорилось о том, чем он на самом деле занимался в Сибири, Белоруссии и Ленинграде.

Сотрудники госбезопасности подробно писали об его участии в операции по обезвреживанию Савинкова и испанской командировке (в недавней малограмотной книжке красноярского полковника КГБ В. М. Бушуева «Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ» на голубом глазу повествуется, как Сыроежкин героически погиб при исполнении интернационального долга, совершая подвиги «над небом Испании!»), а целое десятилетие между этими страницами оставалось тёмным пятном [340]. Только в «Очерках советской внешней разведки», вышедших в 1996 г., авторы рискнули вскользь заметить,

что, дескать, неизвестно, были ли шпионами «разоблачённые» при участии Сыроежкина якутские торговцы. В остальном действия Сыроежкина трактуются его наследниками как исключительно высокополезные и героические.

Последний штрих в посмертную канонизацию Сыроежкина — выпуск от имени ФСБ России именной почтовой марки, появившейся в апреле 2002 г. На ней портрет героя-чекиста и... ошибочная дата смерти. Очень по-советски!